

Пан, флейта и капуста

К. Пино

Пан, молодой, легконогий, веселый бог, имел две страсти. Одна из них вам хорошо известна: он любил музыку. Целыми днями он бродил по лугам и лесам в поисках гармоничных звуков, которые природа дарит тем, кто умеет их ценить, прислушивался к пенью птиц, к таинственному шороху ветра в высокой траве. Свою флейту Пан очень любил. Сначала он стремился подражать тем звукам, которые слышал в лесу и на лугах: крику кукушки, зову певчей птички, воркованию голубки, трелям соловья, легкому дуновению ветерка, проскользнувшему среди колокольчиков на овсяном поле. Но вскоре Пану надоело только подражать знакомым звукам, и юный бог, дав волю своему воображению, каждый день стал сочинять новые мелодии. Сознание своей талантливости приводило Пана в восторг, и его уши жадно ловили звуки, которые издавали его же собственные губы. Но иногда Пана все же охватывала грусть: ничто в природе, казалось, не могло оценить его музыкальные способности. Птицы не переставали петь, заяц не прекращал свой бег, листья продолжали шуметь с той же яростью, а черепаха – ползти, как ползла.

– На что мне талант, если он никого не очаровывает? – меланхолично говорил себе Пан, и ему хотелось разбить свою флейту и никогда больше не играть.

Вы ни за что бы не отгадали вторую страсть Пана. Он любил капусту. Как многие лакомятся сладостями, фруктами, молоком или дичью, так он буквально объедался душистыми супами из капусты, заправленными копченым салом.

Чтобы удовлетворить эту страсть, Пан должен был сам сажать капусту. Он делал это с большим усердием и заботливостью и собирал такой урожай, который мог бы привести в восхищение даже знатока. Часто с наступлением ночи бог-музыкант приходил играть перед круглыми головками капусты, и казалось, что они покачивались от удовольствия, слушая своего хозяина. Пан даже сочинил балладу в честь одного капустного кочана, которым он очень гордился. И в самом деле этот кочан был чудесный! Никогда еще земля не

производила ничего более крепкого, здорового, гармоничного: капуста была похожа на тугую грудь великанши.

Эта капуста прославилась Пана не меньше, чем его баллада. Но вот наступил день, когда капуста окончательно созрела, и Пан решил снять ее с грядки. Печаль от сознания, что он должен срезать самое лучшее произведение своего сада, несколько приглушалась при мысли о восхитительном супе, который он себе приготовит.

Итак, однажды вечером Пан запасся большим ножом и направился в свой сад; несколько минут он колебался, затем решительно взялся за кочан. Пан уже собирался расправиться с ценителем своего таланта, как вдруг услышал нежный голос, который, казалось, исходил из зеленых листьев капусты.

– Пан, мой маленький бог, – говорил голос, – не убивай меня, твоя музыка вдохнула в меня душу. Сохрани мне жизнь, чтобы я и впредь могла слушать твою музыку. Ты будешь вознагражден за это.

Что же сделал Пан? Он не стал трогать этот кочан, срезал другой, поменьше, и отправился спать.

Когда на следующее утро Пан вернулся в свой сад, на душе у него было легко и радостно. Воздух был свеж и чист, утренняя роса осыпала листья жемчугом, кочаны капусты выглядели спокойными и аппетитными. Но вы никогда не отгадаете, что Пан нашел в своей музыкальной капусте. Крошечную спящую девочку, розовенькую, голенькую, с беленькими волосиками!

“Ну конечно же, дети рождаются в капусте, – подумал молодой бог, – кормилица мне не солгала”.

Сначала Пан невольно залюбовался ребенком, потом пришел в некоторое замешательство. Ведь он не имел ни малейшего представления о том, как воспитывают детей. Сама природа поспешила ему на помощь в виде козы, которая приблизилась к ребенку, разбудила его, лизнув его лобик языком, и уверенно всунула ему в рот сильно набухший сосок вымени.

Так бог Пан начал воспитывать девочку, или скорее наблюдать, как она растет. Его воспитательная роль сказалась лишь в том, что он дал девочке имя Кастелла, привил ей вкус к музыке и к супу из капусты и, поскольку имел доброе сердце, окружил девочку тем, в чем маленькие дети особенно

нуждаются, – нежной заботой. Когда девочка ложилась спать в свою постельку из сухих листьев, Пан укрывал ее пушистым мехом и нежно целовал в отяжелевшие веки. И если случалось, что девочка расшибала свои маленькие коленки и плакала, он поднимал ее и ласково осушал ее слезы.

Что касается остального, Пан все предоставил природе, и она не скупилась на овощи, фрукты и птичьи яйца.

Кастелла подрастала и становилась самой красивой девочкой в мире: у нее было гладкое розовое личико, маленький, слегка вздернутый носик и прекрасные светлые волосы, которые так любил гладить Пан. Кастелла была веселой и ласковой девочкой. Она никогда не ворчала, никогда не лгала и не доставляла неприятностей своему доброму маленькому богу.

У Кастеллы было только две заботы: иногда Пан, выжимая виноград, пробовал слишком много бродящего соку. В такие дни Пан бывал весел и в то же время печален, а ночью он очень сильно храпел.

Иногда случалось также, что Паном овладевала грусть, когда его флейта не в силах была остановить движение облаков, прыганье животных, пение птиц. Однажды Пан открыл Кастелле причину своей печали, и она дала себе обет утешить его, насколько хватит ее детских силенок.

Спустя некоторое время Пан, сидя на скале, извлекал из флейты пронзительные и веселые звуки. Вдруг он в изумлении увидел перед собой свою приемную дочь, которая церемонно приветствовала его. Поощряемый улыбкой ребенка, он продолжал выводить мелодию, но изумление его дошло до предела, когда он увидел, как Кастелла, более гибкая и грациозная, чем лесные нимфы, двигает ручками и ножками в такт его флейте. Вот тут-то Пан дал волю своей фантазии: самые причудливые “скерцо” сменялись нежными “анданте”, и Кастелла танцевала то неистово бурно, то плавно и медленно, до тех пор пока от усталости у нее не подкосились ножки. Тогда юный бог взял ее на руки и нежно поцеловал. Музыка приобрела для него новый смысл.

С тех пор Пан посвятил себя молодой ученице. Сидя на своей любимой скале, он неумоимо повторял гаммы, стараясь научить Кастеллу управлять своим телом, чувствовать ритм и понимать его законы. Пан был счастлив: в лице этого ребенка природа наконец подчинилась его флейте.

Сердце Пана было полно благодарности капусте, которая подарила ему такую радость; ведь он не забыл своего первого слушателя.

А капуста, за которой хорошо ухаживали, продолжала жить спокойной жизнью бессмертной капусты. По вечерам девочка поливала ее свежей водой из маленькой леечки, говорила ей “добрый вечер” и гладила ее зеленую голову.

Музыка, танцы, величавое спокойствие долины и леса, нежная привязанность друг к другу юного бога и маленькой девочки под покровительством капусты! Чем можно еще дополнить такую счастливую картину?

Но на земле так небезопасно! В одно весеннее утро Кастелла пришла в сад нарвать клубники, которую она любила так же, как Пан любил капусту.

Она сорвала несколько ягодок и съела. Пан разрешал ей по своему вкусу выбирать в саду нежные листья салата, редиску, спелые фрукты; он был уверен, что девочка не злоупотребит своей свободой, не будет опустошать грядки или наедаться сверх меры.

Кастелла, вдоволь полакомившись ягодами, пошла посмотреть на своего друга капусту. Когда девочка наклонилась, чтобы погладить ее голову, она в ужасе застыла: на том самом месте, где когда-то Пан нашел ее, свернувшись, лежала змея. Девочка хотела бежать, но от страха не могла сделать ни шагу. Звать на помощь? Но она не могла произнести ни звука.

Змея увидела Кастеллу. Она подняла свою треугольную головку и уже собиралась броситься на Кастеллу и ужалить ее.

И в это мгновение Кастелла услышала флейту Пана. Бог выходил из своего обиталища, импровизируя какую-то мелодию. Он приближался, беззаботный и счастливый, наслаждаясь природой и музыкой.

Пораженная незнакомыми звуками, змея застыла. Пан, продолжая играть, уже совсем близко подошел к грядке с капустой. Вдруг он увидел Кастеллу и понял, какая опасность угрожает ей. Первым движением Пана было отшвырнуть флейту и броситься между животным и ребенком: как бог лесов, он не боялся никаких ядовитых тварей земли, а как приемный отец он охотно отдал бы жизнь за свою дочь. Но он знал, что не успеет спасти Кастеллу. Змея

же, замерев на одно мгновение, вскоре опять приняла угрожающий вид. У Кастеллы хватило силы и самообладания крикнуть Пану: “Продолжай играть!” Пан вновь заиграл прерванную мелодию, и звуки флейты дрожали так же, как и губы бога.

Змея не бросилась на девочку – казалось, она слушает музыку; внезапно головка ее стала покачиваться в такт мелодии, а потом вслед за головкой стала покачиваться верхняя часть туловища. Пан не переставал играть, а в это время Кастелла потихоньку удалялась. Меж тем юный бог стал медленно отходить к лесу, не отрывая флейту от своих губ, а зачарованная змея, покачиваясь на своем хвосте, следовала за ним.

Когда опасность миновала. Пан подбежал к Кастелле и крепко обнял ее. Следующий его порыв был вызван гневом против ни в чем не повинной капусты. Он схватил палку и уже собирался обрушить ее на капусту, но вдруг услышал знакомый голос, мягко сказавший ему:

– Пан, неужели боги, как люди, должны грешить неблагодарностью? Неужели ты забыл, что обязан мне тем, чего сам Олимп не мог тебе дать: маленькой девочкой, доброй и умной, хорошей ученицей, и славой первого заклинателя змей?

Кастелла обняла капусту, а Пан заиграл для нее серенаду.